

**О III-ИХ СУББОТНИХ
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ЧТЕНИЯХ,
ПРОВОДИМЫХ ШКОЛОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК РАНХИГС СОВМЕСТНО С РАПН
И АКАДЕМИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НАУКИ 19.09.2020**

**ABOUT THE III SATURDAY
POLITICAL SCIENCE READINGS
HELD BY THE SCHOOL OF POLITICAL STUDIES
OF THE INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES
OF RANEPA IN COOPERATION WITH THE RPSA
AND THE ACADEMY OF POLITICAL
SCIENCE ON SEPTEMBER 19, 2020**

Школа политических исследований Института общественных наук РАНХиГС совместно с Российской ассоциацией политической науки и Академией политической науки 19 сентября 2020 г. провела Третьи Субботние политологические чтения в Президентской академии.

Тема политологических чтений: **«Поиск идентичности в современном геополитическом дискурсе».**

Докладчики:

Семененко Ирина Станиславовна, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН имени Е.М. Примакова.

Тема доклада: **«Идентичность в современном политическом и научном дискурсах».**

Дробижева Леокадия Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Руководитель Центра исследования межнациональных отношений, Почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации (2019).

Тема доклада: **«Конкурирующие дискурсы в понимании российской идентичности и массовые представления».**

Климова Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, заместитель декана Школы политических исследований ИОН РАНХиГС, и. о. зав. кафедрой политологии и политического управления.

Тема доклада: «Европейская идентичность и европейские идентичности в политическом дискурсе ЕС».

По итогам дискуссии авторы лучших выступлений получили возможность опубликовать свои статьи в Научном журнале «Дискурс-Пи», включенном в перечень рецензируемых изданий ВАК, являющемся информационным партнером III-х Субботних политологических чтений (СПЧ-III).

Тезисы основных докладов

Идентичность в современном научном и политическом дискурсах

Семененко Ирина Станиславовна,

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
заместитель директора по научной работе
член-корреспондент РАН,
доктор политических наук,
Москва, Россия,
E-mail: semenenko@imemo.ru

1. Идентичность в последние несколько лет стала общепринятым понятием и в политическом дискурсе, и в поле политических исследований. Это пример стремительного укоренения в публичном политическом лексиконе концепта, ранее привычного для сугубо научной дискуссии. Предотвращение конфликтов идентичностей стало ключевой проблемой практической политики государства в условиях растущего социокультурного многообразия современных обществ. При этом частая и настойчивая, к месту и не к месту апелляция к идентичности публичных политиков и публичных интеллектуалов сопровождается размыванием содержательного наполнения самого концепта. Это и понятно: смысловая неопределенность дает, по существу, неограниченные возможности эксплуатировать естественное стремление человека ощущать себя частью сообщества, использовать потребность в «принадлежности» в целях политического манипулирования и мобилизации.

2. С трудом верится, что еще в начале 2000-х гг. концепт идентичности встречал непонимание или негативную реакцию вплоть до отторжения у многих из тех, кто работает в поле социальных наук. Сегодня споры перешли в плоскость содержательную; те, кто по-прежнему критически настроен в отношении самого понятия и в отношении возможности аргументированного анализа форм репрезентации идентичности в публичном пространстве, апеллируют к широко известной логике Роджерса Брубейкера. Книга Френсиса Фукуямы, вскоре после

ее публикации в 2018 г. переведенная на русский язык, обозначила своего рода рубеж перехода идентичности в мейнстрим социальных наук.

3. Проблемы в изучении идентичности в политической науке связаны с содержательным наполнением самого концепта. Действительно, какая идентичность нужна для развития, какая идентичность задает вектор общественных трансформаций? Еще в конце 2000-х гг. был поставлен вопрос об «идентичности как ресурсе общественного развития». По итогам первого «смотр сил» российского политологического сообщества в изучении идентичности в таком ее качестве в ИМЭМО РАН состоялась конференция «Идентичность как предмет политической науки», она была организована в рамках Сети по исследованию идентичности, которая недавно отметила свой 10-летний юбилей. В поле российской политической науки стремительно растет число обращающихся к идентичности работ. Можно говорить о продвижении в методологических подходах и о появлении общих аналитических знаменателей, хотя остается и неизбежная неоднозначность в осмыслении этого многозначного понятия.

4. Наиболее емкая характеристика, прилагаемая к идентичности как ресурсу развития – гражданская. В системе значимых для прогнозирования вектора политических изменений проекций идентичности гражданская (в российском изводе – государственно-гражданская) идентичность занимает первое место ввиду сочетания ненормативного (как охватывающего всех граждан) и нормативного (обращенного к гражданам как носителям гражданского сознания и соответствующих ценностных ориентиров) содержания, в то время как политическая идентичность оказывается нагруженной нормативными идейными смыслами и поведенческими установками, а национальная по умолчанию приравнивается в политическом (а нередко – и в научном) дискурсе к «страновой». Однако концепт гражданской идентичности не исчерпывает сути вопроса о смыслах и мотивациях, которые вкладывают в политические изменения субъекты таких трансформаций. Неслучайно это понятие слабо актуализировано в зарубежном политическом дискурсе, в отличие от российского: по сути, гражданская идентичность рассматривается как «беспроблемная», имманентно присущая гражданину как обладателю демократических прав и свобод.

5. Ключевой для политической науки вопрос о позитивной совместимости гражданской с другими значимыми идентичностями, в частности, с этнической, был поставлен Л. М. Дробижевой. На наш взгляд, основа позитивной совместимости – ориентация на развитие как ключевую политическую ценность. Такая ориентация актуализирует профессиональные, религиозные/конфессиональные, социокультурные и этнические, территориальные и иные идентичности, наполняет их позитивными смыслами. В этом контексте встает приоритетный для современного научного знания вопрос о содержательной трактовке общественного развития и о концептуализации политики развития. В экспертном дискурсе такая политика обычно сводится к продвижению предлагаемых от имени государства экономических проектов и социальных программ, нацеленных на решение общественно значимых проблем преодоления бедности, смягчения социального неравенства и дисфункций государственного управления преимущественно за пределами «развитого мира». Однако в широком смысле речь идет о политике, ориентированной на продвижение самой ценности развития как процесса, способного поддерживать поступательную динамику качества жизни

и дружественную для человека социальную среду, о политике, высвечивающей значимые для общества и человека долговременные приоритеты.

6. Интегральной частью политики развития является политика идентичности. В научном и в политическом дискурсе связь политики идентичности и повестки дня развития обходят вниманием, в первую очередь ввиду устоявшейся (заимствованной из американского дискурса периода подъема социальных движений за права меньшинств) нормативной трактовки такой политики как борьбы меньшинств за признание. «Право на идентичность», в том числе на «выбор идентичности», по существу стали в последние годы рассматриваться как неотъемлемые права человека. «Борьба за идентичность» структурирует поле современной политики, зачастую целенаправленно облекая в «упаковку» идентичности групповые интересы и политический выбор. Анализ реальных приоритетов и субъектов политики идентичности во многом объясняет динамику социальных и политических размежеваний в современных разделенных обществах. Неслучайно «войны памяти» сегодня превратились в «войны памятников». Центр тяжести в политике идентичности в ее узком, нормативном понимании сместился сегодня в сферу символической политики, она во многом определяет тональность и даже повестку дня избирательной кампании в США. Под флагом «права на идентичность» продвигаются политико-правовые требования сообществ, за которыми стоят узкопартийные и групповые интересы. Знаменательно, что в нынешнем политкорректном политическом дискурсе нет согласия вокруг значимости самого концепта «расовой идентичности», но система мер позитивной дискриминации в рамках политкорректной политики идентичности, реализуемой в многокультурных обществах Запада, сделала выбор такой идентичности социально значимым для очень многих. А нынешнее движение «Black lives matter» и развернувшиеся вокруг него политические страсти выводят политику идентичности на передний край современного политического дискурса. Очевидно, что она успешно используется как инструмент негативной политической мобилизации, а отнюдь не как инструмент политики развития.

7. Политику идентичности можно трактовать в широком контексте формирования «идентичности развития» и разработки ориентиров ответственного развития современных обществ. Такого, которое предполагает приоритетное использование в качестве источников развития интеллектуальных, возобновляемых ресурсов и опору на нематериальные стимулы жизнедеятельности человека. Речь идет в первую очередь о наращивании интеллектуальных ресурсов экономических и социальных инноваций, но решение проблемы развития этим не ограничивается. Подразумевается также взвешенная оценка возможных альтернатив и учет не только ближних, но и долговременных последствий внедрения новых технологий, тех изменений, которые они могут привнести в экономику и социальные отношения, в сознание и мышление индивида. Важнейшим условием ответственного развития является поддержание оптимального для минимизации рисков баланса между инновационным мышлением и опорой на традицию. В этой дихотомии формируются личностные и групповые опоры идентичности, с которыми человек себя соотносит – от семьи и профессии до нации и цивилизации. В более широком контексте приоритетом становится утверждение нравственной мотивации развития на путях продвижения культуры

социального диалога, взаимодействия в публичной сфере вокруг общей повестки дня носителей разных идей и идентичностей.

8. В политическом дискурсе доминирует, как уже отмечалось выше, подход, ориентированный на использование идентичности как средства политической мобилизации, и присутствует альтернативное видение, предлагающее обратиться к диалогу идентичностей. Те или иные приоритеты коммуникации вокруг проблем идентичности определяют характер государственности, уровень общественной солидарности, доверия и гражданской самоорганизации. Так, в Испании актуализирована проблематика соотношения национальной и региональных идентичностей, в Великобритании коронакризис прочертил ментальные и даже реальные, пусть и на короткое время, границы между носителями разных национальных идентичностей с возможными далеко идущими последствиями для британской политической системы, а в Китае события вокруг Гонконга способствовали переводу конфликта идентичностей в политико-правовое поле.

9. На основе обзора основных направлений исследований идентичности можно предложить типологию конкурирующих в поле политической науки дискурсов. Это дискурсы конструирования идентичности (в контекстах поддержания культурного разнообразия и поисков путей консолидации разделенных обществ показательна в этом смысле, например, серия книг «Изучение идентичности в социальных науках» издательства Palgrave Macmillan, продолжающаяся с 2000 г.), дискурсы, связанные с анализом политического использования идентичности (в контекстах продвижения избирательных платформ партий и движений, особенно популистского толка) и дискурсы, осмысливающие идентичность как ресурс развития (в том числе в рамках многосубъектной политики идентичности). Уже упомянутый Р. Брубейкер в своей последней работе, посвященной соотношению концептов популизма и национализма («Nations and Nationalism», 2020, No. 1), утверждает, что «не бывает правильных или неправильных концептов, концепты могут быть в большей или меньшей степени полезными для решения определенных теоретических или практических задач». В рамках такой логики применительно к концепту идентичности полезность представляется очевидной: идентичность позволяет посмотреть одновременно на процесс, на состояние и на эмоциональное переживание своего «я» в соотношении с «другими», соединить макрополитический и микрополитический уровни анализа субъективного пространства политики и социальной реальности, которая меняется «в ногу» с идентичностью.

10. Выделение субъектов и концептуализация направлений и механизмов политики идентичности остаются насущными задачами политической науки. Решение этих задач принципиально важно для понимания перспектив эволюции политического режима, динамики политической культуры того или иного национального (территориального, локального) сообщества и политической идентичности его граждан. Особенно для прогнозирования сдвигов в массовом сознании и политическом поведении и перспектив политико-институциональных изменений. Насущными остаются проблемы реификации идентичности и теоретико-методологические возможности их преодоления. Остаются лакуны в осмыслении культурных оснований формирования идентичности и их влияния на политический выбор (в рамках произошедшего в социальных науках «культурного» поворота), в изучении влияния идентичности на экономическое развитие (о чем

писали Дж. Акерлоф и Р. Крэнтон в начале нынешнего столетия, ставя вопрос об «экономике идентичности»), в ее интеграции в поле не только социальной философии, но и в философский категориальный аппарат (на что действительно обращает внимание наш коллега из философского «цеха» Х.Г. Тхагапсоев). И особенно – в интеграции тематики идентичности в просматривающийся (пока как потенциальная возможность) этический поворот в социальных науках.

Конкурирующие дискурсы в понимании российской идентичности и массовые представления

Дробижева Леокадия Михайловна,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
руководитель Центра исследования межнациональных отношений,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: drobizheva@yandex.ru

Российская идентичность имеет историческую основу, но в современном понимании она формировалась в исторически короткие сроки и в сложных условиях распавшегося государства, рухнувшей социальной системы, культурной и психологической травмы. Специфика формирования российской идентичности обусловила многозначность терминологии, используемой в научной литературе и в публичном пространстве – «национальная идентичность», «государственная идентичность», «государственно-гражданская идентичность», «страновая идентичность», «гражданская идентичность». Разность в терминологии в известной мере связана с разными подходами к пониманию интегрирующей идентичности общества.

В Конституции 1993 г. содержались принципы, которые позволяли трактовать граждан России как гражданское общество, которое будет отражаться в их идентичности. В Конституции были записаны «права и свободы человека», «гражданский мир и согласие», «ответственность за свою родину». Источником власти в Российской Федерации, говорится в Конституции, является её многонациональный народ (ст. 3, п. 1). Понятие «народ» в Конституции остается как термин, имеющий двойной смысл: народ как этнокультурная общность и как согражданство.

В.А. Тишков, опираясь на опыт мировой науки, писал, что национальная идентичность – это принадлежность к нации, которая «понимается как государственно-территориальная, политико-правовая общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик». В то же время, Э.А. Паин, оценивая российскую идентичность как проявление консолидационных процессов, сомневался в том, что у нас есть

основания интерпретировать её как гражданскую, в силу слабости гражданского общества.

Идентичность политической нации разрабатывалась политологами в гражданском смысле (Семененко И.С., Санина А.Г., Пантин В.И., Малинова О.Ю., Перегудов С.П.).

Контрверсия такого понимания обосновывалась приверженцами цивилизационного подхода. Они полагали, что «Россия складывалась не как гражданская нация, а как историческая общность, ядром которой являются русские». Основу «патриотической лояльности не смогут создавать государство и территория», т.к. гражданство России существует только с 1991 г., а территория – это «осколок Советского союза». И потому история и культура «соединяют поколения», и единство нашего общества основано на русской культуре, «русский культурный код лежит в основе нашего самосознания» (Ремизов М.В.). Странники идей РПЦ выступали против понятия «российская нация» и противопоставляли российской русскую идентичность (Щипков А.В.).

Идеологи русского национализма прогнозировали «трансформацию нынешней Российской Федерации... в русское национальное государство» (Севастьянов А.Н.), и в этом случае российская идентичность могла бы именоваться русской идентичностью.

Автором российской идентичности интерпретировалась как государственно-гражданская, включающая ответственность за дела в стране, готовность действовать во имя интересов граждан страны, доверие к окружающим, участие в политической жизни, общие ценности, солидаризирующие представления, чувство солидарности (Дробижина Л.М.).

Научные дебаты не были бесполезными, но сдвиг в сторону доктринального признания идентичности обусловили не они. Триггером стали общественные явления и, прежде всего, события на Манежной площади в Москве 16 декабря 2010 г.

В 2012 г. при Президента РФ был создан Совет по межнациональным отношениям, которому было поручено подготовить Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 года.

В тексте Стратегии, подписанной Президентом в декабре 2012 г., впервые было зафиксировано понятие российской нации в доктринальном пространстве.

Добавления в Стратегию государственной национальной политики готовились рабочей группой Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ и Научным советом при Президиуме РАН в 2018 году, что дало преимущество научному подходу. Были включены определения ряда понятий, в том числе, общероссийской гражданской идентичности. Оно толкуется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества». Как видим, определение дано исходя, прежде всего, из гражданского смысла этой идентичности (понятие «самосознание» использовано потому, что оно более привычно для повседневного общения и понятно всем, кто проходил обучение истории, литературе, обществознанию, политологии). Но вместе с тем, консенсус в Стратегии достигался тем, что было внесено дополнение (п. 11): «Общероссийская гражданская идентичность осно-

вана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию». А чтобы это не воспринималось как ассимиляционная стратегия, пояснялось, что в единый культурный (цивилизационный) код входит историческое и культурное наследие всех народов Российской Федерации, и вместе с общечеловеческими принципами лучшие достижения народов интегрированы в единую российскую культуру.

Этим в доктринальном документе достигался известный баланс в поле дискутируемых смысловых противоречий.

Концептуально мы исходим из того, что российская идентичность динамично формируется в политическом, историко-культурном и геополитическом контекстах. В её конструировании ведущая роль принадлежит сейчас государству, политическим акторам, лидерам, интеллектуальной элите. Но она не может быть построена только сверху, она должна иметь основу для восприятия её в массовом сознании. Именно так она укреплялась и в политической практике России. Такая идентичность не может быть основана, как говорил Президент РФ на Валдайском форуме осенью 2013 года, на идеологической монополии. Идеология национального развития – предмет широких дискуссий. И в реальной практике мы наблюдали амбивалентность идеологических оснований понимания российской идентичности.

Тем не менее, российская идентичность получила широкое распространение в массовом сознании людей. Последние опросы ВЦИОМ, Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, Института социологии ФНИСЦ РАН фиксировали российскую гражданскую идентичность у 74–91 % российских граждан.

Европейская идентичность и европейские идентичности в политическом дискурсе ЕС

Климова Галина Сергеевна,

ИОН РАНХиГС,
заместитель декана Школы политических исследований,
и.о. зав. кафедрой политологии и политического управления,
кандидат исторических наук,
Москва, Россия,
E-mail: klimova-gs@ranepa.ru

1. Любая дискуссия о проблемах европейской идентичности не может избежать вопросов «что такое Европа?» и «где границы Европы?». Зачастую, как и мыслители прежних эпох, современные исследователи, к какой бы области знаний они не принадлежали, в своем стремлении ответить на эти непростые вопросы исходят из мысли, что Европа – это не столько место, сколько идея, во многом идея политическая. Исторически переосмысление того, что есть Европа порождало не только движение границ с Азией и даже Африкой, но и эволюцию внутренних рубежей. Деление континента на цивилизованный

юг и варварский север можно проследить и в античных текстах, и в интеллектуальном пространстве эпохи Возрождения. В результате смещения культурных и финансовых центров в Новое время были изобретены Западная и Восточная Европы. В середине XIX в. набирает популярность идея *Mitteleurope*. И хотя сегодня на политическую и концептуальную устойчивость Европы претендуют несколько организаций, прежде всего Европейский Союз, невозможно однозначно ответить на вопросы о природе и границах Европы. Брексит, дискуссии о расширении ЕС, альтернативные интеграционные проекты, дебаты евроскептиков и еврооптимистов свидетельствуют о борьбе за содержание и само право обращения к европейской идентичности.

2. Понятие «европейская идентичность» во многом имеет политическое происхождение и, как отмечает Бо Страт, изначально обладало сильной идеологической нагрузкой (Stråth, B. (2002). *A European Identity: To the Historical Limits of a Concept. European Journal of Social Theory*, 5(4), 387–401). На уровне официальных документов оно было впервые употреблено в Копенгагенской декларации 1973 г., которая во многом стала результатом поисков выхода из интеграционного кризиса. Уже к середине 1970-х гг. во время бурных дебатов вокруг доклада Тиндемманса «европейская идентичность» стала частью официального языка Европейского Сообщества. На протяжении 1980-х и начала 1990-х гг. частота употребления понятия в документах только возрастала. К моменту создания Европейского Союза «европейская идентичность» стала не только одним из ключевых компонентов политического и научного дискурсов интеграции (особую роль в этом сыграл Евробарометр), но и неотъемлемым компонентом всего интеграционного процесса.

3. Изначально европейская идентичность, безусловно, являлась элитарным политическим проектом. Но невозможно не согласиться с М. Кржижановским в том, что на дискурсивном уровне европейская идентичность неуклонно движется от идеологизированного и часто нормативного проекта к контекстуально более многообразно используемому понятию (явлению) (Krzyzanowski, M. (2010). *The Discursive Construction of European Identities*. Frankfurt am Main). Сегодня европейская идентичность существует в очень сложной системе координат. Можно выделить как минимум три оси, в которых она функционирует. Первая ось расположена между крайними точками официального «брюссельского» прочтения содержания и задач европейской идентичности (top-down) и стихийным, условно «обывательским» (bottom-up) пониманием европейской идентичности. Последнее можно определить в категориях Л. Крам как «банальный европеизм» (Cram, L. (2001). *Imagining the Union: a Case of Banal Europeanism? Interlocking Dimensions of European Integration* (pp. 233–246). N.Y.: Palgrave). Вторая ось поляризует понимание и использование понятия между условной «внутренней» идентичностью, которая выполняет функцию самоидентификации, и «публичной» идентичностью, которая обладает перформативным свойством сообщения вовне. Третья ось указывает на существование культурно-исторической и гражданской европейской идентичностей. При этом в рамках каждой из осей содержание европейской идентичности усложняется определением другого и ее связями с национальными и локальными идентичностями.

4. Если не сводить политический дискурс Европейского Союза к институтам ЕС, то разнообразие субъектов дискурса делает его похожим на много-

цветный мраморный кекс. Очевидно, что особую роль в нем играют институциональные субъекты, такие как Еврокомиссия, Европарламент и т.п. Именно с ними в первую очередь связано появление элитарного проекта европейской идентичности. Европейские политики разных уровней также являются важными субъектами политического дискурса ЕС. Занимая весь спектр от ультра-евроскептиков до ультра-еврооптимистов, эти индивидуальные субъекты активно используют европейскую идентичность в наднациональной и национальной политической борьбе. Ученые-эксперты, чьи исследовательские стратегии европейской идентичности (социологическая, историко-культурная, политико-правовая и т.д.) так или иначе оказываются политическим высказыванием, вносят свою лепту в функционирование политического дискурса ЕС. Невозможно из списка субъектов исключить медиа, которые оказываются не только каналами передачи информации, но и создают всю повестку. Граждане ЕС, как на уровне организаций, так и на уровне индивидов, также являются активными субъектами дискурса и предлагают свои видения европейских идентичностей.

5. Результаты практически регулярно проводимых социологических исследований, связанных с европейской идентичностью, – опросы граждан ЕС, глубинные интервью с политическими деятелями, в том числе сторонниками евроинтеграции и представителями правопопулистских партий (например, опросы Евробарометра, Critical Heritages (CoHERE): performing and representing identities in Europe, Zappettini, F. (2019) *European Identities in Discourse. A Transnational Citizens' Perspective*. NY. Bloosbury и т.д.), – также позволяют говорить о существовании и взаимодействии многих европейских идентичностей. В их содержании есть как общие черты (например, некоторые исторические аспекты, Вторая мировая война или ценности – демократия, впрочем, понимаемая по-разному), так и существенные расхождения (прежде всего в интерпретации соотношения национального и европейского). Анализ результатов этих социологических исследований, наряду с контекстуализированным анализом текстов в рамках исторического дискурс подхода (Reisigl, M., & Wodak, R. (2017). *The Discourse-Historical Approach (DHA) in The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies*. Routledge), указывают на эволюцию европейской идентичности от более или менее одномерного элитарного проекта к множественному и разнонаправленному дискурсивному явлению.

6. Фактически между субъектами политического дискурса ЕС идет борьба за право на европейскую идентичность и ее содержание. Понятие «европейская идентичность» остается довольно неясным. Кто европеец, а кто нет? Какие ценности разделяют европейцы? Кто может быть включен в европейское общество, а кто должен быть исключен? В результате мы получаем множество европейских идентичностей, многие из которых претендуют на универсализм. События, связанные с экономическим и миграционным кризисами, сепаратизмом разных уровней и текущей пандемией, эту борьбу только обостряют. Каждый из субъектов находится в поисках своего языка европейской идентичности, имеющего шанс быть понятым и способного установить устойчивые отношения внутри политического дискурса ЕС.